

Сергей Черепанов

ВЕРХОМ на ПОСОХЕ

Сергей Черепанов

Верхом на посохе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305239

ISBN 9785449325051

Аннотация

Истинный путешественник – это человек, который не только посещает разные экзотические страны, но и собирает о них неповторимые впечатления. Таков и автор этой книги: собрав ярчайшие впечатления, он щедро и достоверно делится ими с читателем. И если пока нет времени, сил или средств повторить его маршруты – не беда: сядьте поудобнее, возьмите «Верхом на посохе» – и посмотрите на весь мир, не отрываясь от кресла.

Содержание

Сказочный остров	5
Дом, который Сэм	15
Виза	15
Линда	18
Дом	21
Страна пацанов	24
История Дома	25
Русское чудо в Филадельфии	27
Хаус и Хом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Верхом на посохе

Сергей Черепанов

© Сергей Черепанов, 2018

ISBN 978-5-4493-2505-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сказочный остров

*Сначала был создан остров Маврикий,
а затем, по образу и подобию его, – рай.
Марк Твен «По экватору»*

Еще в самолете я задумался: а что же такое – Рай?

Наверное, это благословенный заповедный край, обитель отдыха и покоя, куда попадают хорошие люди и между ними складываются добрые, дружеские отношения.

А еще – это область исполнения желаний, когда без усилий, играючи, вот только попросил – и дадено, да еще так неожиданно, причудливо, но именно то, чего хотел.

С первым тезисом я согласился сразу.

Вот если бы вы были Творцом, и вам предложили бы отрегулировать по райским канонам температуру воды и воздуха? Что бы вы выбрали? Градуса 23—24? И то, и другое? Причем утречком воздух чуть прохладнее, скажем, 17—18, а вода – теплее, и вечером – то же?

Та-ак!

Или, к примеру – глубину моря, у берега?

Полметра?! Не-е, это слишком. А вот от одного до четырех, и чтобы риф, и всевозможные кораллы и водоросли, и непуганые разноцветные рыбки, и песочек, а захотел – и камни, и волна над серфером прозрачным завитком,

и огромные пенные лавины-валы, долгий блестящий отлив, и креольские женщины в разноцветных юбках, подростки, и дети, и даже некоторые мужчины, присев, выбирают с ними креветку, а после закуривают на закате, обдумывая, как пойдут с раннего утра на марлина, безумную глубоководную рыбу, – вдаль от прибрежной мелкоты...

А взять, к примеру, горы?

Нужны ли нам горы более 300, ну, максимум – 500 метров? Может ли человек средних лет без специального снаряжения забраться выше? И не нужно!

Конечно, с другой стороны желательно, чтобы они были обрывисты, скалисты, неприступны. Чтобы можно было сказать: вона куда я забрался!

Я думал об этом, поднимаясь на Мон Брабан, неприступную с запада и удобную для подъема с востока, и увидел коз, диких, пугливых, и стал подбираться ближе, полез над сыпучим обрывом – сфотографировать, а они отбежали, и, замирая, как санаторные статуи, косились с отвесных скал на меня, чтобы вдруг ожить и исчезнуть.

И все же, я снял их! Сверху, с покоренной мною вершины, а вернее, с веранды ресторана «Парадиз», построенного, как сказано в меню, – на границе покоя и риска.

Скромный пансион у моря, где я поселился, принадлежал выходцам из Китая – молчаливому брату и не менее приветливой сестре, похожим как две китайские капли воды,

полные и круглые. Негритянка-уборщица, старик-садовник (он же – охранник) словно вышколенные стюарды улыбались мне издалека.

Пансион пуст. Пожилая француженка из Страсбурга с тремя внучками, воспитанными и славными детьми, – не в счет.

Мы раскланивались за завтраком, и лишь в последний день, отъезжая, она с сожалением сообщила, что ее познания в русском ограничиваются словами «*Bolshaya kordova*», чему научил ее внук давнего приятеля-эмигранта.

Ах, если бы она знала, как я рад одиночеству, рад тому, что великий и могучий не звучит даже шепотом, а паче всего, что сюда не добралась еще наша жирующая элита.

После завтрака, уложив в котомку плавательные принадлежности и фрукты, отправляясь я на прогулку вдоль берега, пытаюсь забраться куда-нибудь подальше, в неизведанную еще область, и увидеть что-нибудь этакое в конце и по пути.

Обычно для таких путешествий я выламываю посох, с которым идти веселее и размашистей, и чувствую себя уверенней на заросших тропических тропках.

Вот и сейчас, миновав пляж и очутившись в прибрежных зарослях, я не успел пройти и нескольких шагов, как увидел его.

Отличный бамбуковый посох!

Легкий, прочный, и верхний конец заточен в случае чего, но, слава Богу, не понадобилось.

Тут же примерил, как лыжную палку. В самый раз. Как надо. И я поглядел вокруг новыми глазами и понял, что это уже второе чудесное событие.

А первое произошло только что. Шагаю по пляжу, долгой песчаной отмели, устал, жарко – солнца с избытком, и только подумал о прохладе и ветерке – теперь я это понял! – тут же очутился в лесу, то есть обнаруживаю себя в тени, и деревья уже нависают над берегом, а кое-где и над морем.

Ах, неспроста, неслучайны сии превращения. Я стал замечать, что походная жажда мгновенно утолялась случайным разносчиком кокосов и ананасов, жара – мимолетным дождем, рассветная тишина – зажигательной сегой у костра, красного как юбки танцовщиц, обратная дорога – попутною песней, а благодатное одиночество – картинками из жизни местных влюбленных: с авансами, придыханием и ловитками с визгом и беготней по песку и по морю, долгими-предолгими поцелуями, и смуглыми телами в песчинках и каплях, которые так упоительно и томно...

На промысел огромных голубых марлинов, напоминающих меч-рыбу, на глубоководную рыбалку я не решился. Целый день на солнце, и потом – дорого.

А вот увидеть – хотелось. Даже не увидеть – в Порт-Луисе, в музее я уже побывал и даже потрогал чучело, – а ощутить мощь и трепет, дрожь тела, идущего в глубину, нарастание давления и боли, когда все уже кончено и сердце уже не сту-

чит, и еще чуть, чуть... и надо вырुливать, и возвращаться, и нестись к свету, выпрыгивая, взлетая над водой...

Солнце клонилось к закату. Я присел на берегу, провожая еще один день, вслушиваясь в аэродромный гул волн, угадывая перемену цветов на море и на небесах.

Океанская волна накатывала на берег и, отражаясь, бежала навстречу новой, и бывало, они встречались вместе, словно ладошки мирного буддийского приветствия, но бежали дальше, насквозь или угасали при встрече.

Марлин появился на севере.

Облако, дотоле бесформенное, вытянулось, острый меч его принял первые волны заката и окрасился золотом, а затем пурпуром и вишней.

Да вот же он – летящий марлин!

Вот он – явился, и полет его был достаточно продолжителен, чтобы рассмотреть и парусный плавник и блестящую чешую, и наконец, что тает он с меча, с головы, словно возвращается в свою стихию, в бездонные, как ночное небо, глубины.

Солнце ушло. Вся сила его огненная сужалась, сжимаясь все более, и небо покрывалось пеплом, темнеющим с каждой секундой.

Казалось, и я погружаюсь вместе с ним, и давление неба растет, и вот уже кое-где сгущаются и обретают форму тайные безмолвные силы и вспыхивают огоньки глубоководных рыб, причудливых, как созвездия.

Стой, марлин, стой! Я боюсь этой темноты!

На мгновение закат замирает, освещая и море и небо зеленоватым сиянием. А марлин зовет, и манит, и несется, безумный, туда, – за пределы... И навстречу ему надвигается тьма...

...Акула появилась столь явственно, надо мной, изогнувшись перед тем как покинуть орбиту и ринуться вниз, и овальная пасть ее открылась, обнажая белые, даже во тьме отливающие зубы, и было страшно, как в детстве – ужас заполнил сознание до самых потаенных и дальних участков.

Зачем – я не понимал – зачем я позвал ее? И звал ли ее вообще?

Обеспокоенный, я поспешно пошел с пляжа, так и не искупавшись, оглядываясь и прося защиты...

Как же я дерзнул просить об этом?!

Нет, не о помощи, не только о помощи – однако же тьма стгустилась мгновенно, и акула растаяла.

Звезды усыпали небеса: где – ярко-бриллиантово, где – скромнее – фионитово, где – просто – крупною и мелкою солью, – и отразились в море.

Нет, я просил – о другом... Я просил...

(Человек, конечно, наглец. Все ему мало, и тайны ему недостает, хочется особого, этакого, самого-самого... Вот зачем я вызвал акулу! А они съели яблоко, и Авраам содеял свое, и Ной, и Моисей... Вот зачем грешили и забывали Его!..)

Я просил ни много ни мало:

– Откройся, покажись, Господи!

Вы можете себе представить?!

Но просьба моя была столь искренней, такой благодарной...

...Вы спросите, где, где эта область?

И, поколебавшись, я отвечаю так: она есть, она – на границе знакомых вам созвездий. И вы легко ее обнаружите, если прибудете сюда, обнаружите, бесспорно, остров-то райский! – по особой симметрии указующих звезд, но, конечно, не полной, выражающей свободу и уважение к Человеку.

Именно потому, что найти эту область легко, я не указываю ее прямо.

Ищите, милые, ищите сами, и небеса улыбнутся вам и спасут...

А я, глупый, стал просить еще знак, еще чудо, мол, правильно ли я угадал.

Но звезды молчали. Грустно, печально и благодатно.

Что ж – завтра домой. Домой...

Впрочем, нет! Еще утро! Утро еще мое...

Грузовой пикапчик остановился, и заглушив мотор, из кабины вылез молодой кучерявый парень, и выпорхнула она – оба смуглые, белозубые, улыбочивые, – и я уже не мог отвести взгляд, вернее продолжал делать вид, что пишу, а сам поглядывал, отмечая национальные приметы любви, то есть

ранней влюбленности, когда уж и яблочко надкусили, а все еще здесь, в Раю, еще не выгнали. . .

Нет большего удовольствия, чем следить за такими парочками. Я отметил, как ловко умеет она накрывать, доставая из сумок и раскладывая, а он – налаживать закидушки и спиннинг, и улыбаться ласково и любовно, игриво и сдержанно, отчего и море заблестело, зашелестел ветерок, и маленькие песчаные крабики высунулись из нор и застыли навывкате, словно вышколенные стюарды.

Улыбок расточалось довольно: в первую очередь, конечно, друг дружке, но и морю, и небу, и рыбам, которые не ловились, и парочка досталась мне, чтобы как редкие марки храниться для внуков в замечательном кожаном кляссере.

Он принялся забрасывать, предварительно наматывая леску на стеклянную бутылку, аккуратно, виток к витку, и, влекомая грузилом, уходила она далеко, и закидывал следующую. Вскоре вода и суша были скреплены дрожащими, но прочными нитями, и он присел, попивая из длинногорлой бутылки. Однако отдыхать ему не пришлось. Поклевки следовали одна за другой, приходилось выбирать. И каждый раз она подбегала к нему, но, увы, не ловилось, и она – вино-вато, а он – удивленно улыбались друг другу, а стало быть – и всему миру.

Наживка кончилась быстро, и он поручил ей наловить крабов, а чуть погода и сам включился, потому как дело это тонкое, охотничье.

Сначала следует выманить крабика поближе к выходу. Для этого в норку окуналось что-то привязанное на нитке, съедобное, вкусненькое. И лишь только краб подманивался и хватал – мгновенно пихалась туда палка – прижать! – чтобы он не мог окопаться, и нужно было быстро копать, обеими руками, а лучше – вдвоем, навстречу, касаясь друг друга плечами и головами, и, зарывшись в сыпучем и влажном песке, нащупать копошливое тельце, а чаще – любезные пальчики и схватить их, и прыскать, и валиться вдвоем на песок, когда проворный беглец исчезал-таки боковым потайным коридором.

Это выглядело прелестно.

Они рыли и приманивали, и потягивали пиво и, бросив все, металась к натянувшимся лескам, и ели большие двухслойные сэндвичи, набивая рты как пупсы-негритята, и то смешком, то улыбкой, прикосновением и – засмотревшись вдаль – счастливой минуткой – возвращали чудесному миру его суть, называемую неказистым словом – «любовь».

Как хорошо когда любовь!

Приехали вдвоем.

Закинув удочки, глядят

В надежде на улов.

А перед ними – водоем —

Влюбленный океан.

Как хорошо когда любовь

И ловишь на кукан.

А в океане их – не счесть —
Влюбившихся весной...
Улыбок – двести сорок шесть —
Словили. И в запасе – есть.
А рыбки – ни одной!
Но вот удача – есть улов!
Размером с этот стих...
Как хорошо когда любовь
И рыбка – на двоих.

Можно ли умолчать об этом?! О всех чудесах, малых и больших?! О главном чуде?!

А я дивился сказочным индусам в чалмах и улыбался индускам с бархатной наклейкой на лбу, я приветствовал китайцев на велосипедах, и они кланялись в ответ, не слезая, я сочувствовал мусульманским женщинам, купающимся в одежде, и пил вино с вездесущими французами, похожими на коренных израильтян, но веселее и приветливей, я заговаривал о погоде с худющими англосаксами, белесыми и бесцветными, с именами – Морсель и Билинда...

Я пытался рассказать всем, кто меня поймет – поймет, несмотря ни на что. Но разговора по душам – не получалось.

И тут – я мгновенно оказываюсь в самолете.

И лечу, лечу домой!

Дом, который Сэм

Виза

Обдумывая предстоящее собеседование в американском посольстве (а вопрос был серьезный, в получении визы откладывали часто), мы с женой решили: отвечать по возможности честно, правдиво. В очереди на собеседование я слышал, что хуже всего, если попадешь к этой толстой идиотке в роговых очках. На вопрос: «Чем вы докажете, что не откажетесь возвращаться на вашу родину?» – приемлемых ответов, как выяснилось, не было. Она считала, что всякий нормальный визитер, посетив американский рай, должен всеми силами, любыми изощренными способами пополнить ряды незаконной эмиграции.

На все попытки аргументировать: оставленными дома детьми и родителями, собственным бизнесом, незнанием языка, да чем угодно – эта патриотка будто бы делала пометку – «не вполне искренне», – что означало безусловный отказ.

Понятно, я попал к ней. И отвечал так: «Я люблю Киев, мою родину. Поэтому в США уезжать не намерен».

Она поглядела на меня внимательно и не поверила.

Так бы, униженный и обозленный, я и отличал бы стопро-

центных американцев, как толстых очастых идиотов, если бы не Линда, «принимающая сторона».

Она послала в посольство телеграмму следующего содержания:

Всем, кому следует

Я была гостьей этой семьи в 1993-м и 1995-м. Разумеется, я должна проявить ответное гостеприимство.

Д-р Линда Рокк

Как все-таки мы отличаемся! Если бы я обращался в посольство, мое письмо-ходатайство было бы пространным, просительным, напиранием на значительные заслуги д-ра Рокк как педагога и спонсора, оказавшей неоценимую помощь в организации культурного обмена, что способствует укреплению дружбы и сотрудничества между нашими странами и пр. и пр. То есть я бы сделал акцент на ее достоинствах и высоких моральных качествах. И совершенно не был бы уверен в результате.

Линда написала о долгах, которые следует возвращать. И в ее искренности никто не усомнился.

Нас впустили.

Так начиналась наша первая поездка в США в 1997-м. А в октябре 2011-го состоялась вторая. И, надеюсь, не последняя. Теперь у нас мультивиза на пять лет. И мы уже не те,

испуганные неофиты, а повидавшие и мир, и жизнь.

Многое изменилось. Украина уже не так любопытна американцам, о Чернобыле не помнят. И Штаты не столь притягательны, есть и Германия, и Норвегия.

Оценки сдержаннее, эмоции не зашкаливают.

Вот и хорошо. Можно браться за перо.

Линда

Каждый раз Линда приезжала к нам с целым чемоданом подарков. Но вручала не все и сразу в первый же день, а порциями, находя повод, и мы уже ждали вечера, ждали, как дети, когда, прервав чаепитие, она вдруг, улыбнувшись, будто вспомнив о чем-то далеком: «Я имею кое-что для тебя!» – доставала из-под стола нечто, упакованное в новогоднюю бумагу и перевязанное ленточкой.

Следует заметить, что все подарки были подобраны с учетом интересов и желаний каждого члена семьи. Но как она догадалась, как узнала – до сих пор непонятно. Мне, например, досталась чашка с портретом Ван Гога, моим любимым, из музея «Метрополитен», подарочное мини-издание анекдотов Марка Твена с печатью его дома-музея, изысканный альбом фотографий – пейзажей на стихи Роберта Фроста (угадайте, из какого музея?); моей супруге – целая коллекция: платок, серьги, брошь, магнит на холодильник из музея «Изящных искусств». И дети, и старики, и даже собака были счастливы.

Видно было, что и она сама замирала, когда нетерпеливые ручки разворачивали-разрывали бумагу, находя там коробочку, и – Вау! Боже, какая прелесть! – в немом восхищении вынимали и показывали всем.

И все же самое-самое она приберегала к концу поездки. Я

был в восторге от книги стихов Евг. Евтушенко, подписанной автором мне – именно мне на вечере в Бостоне. А как она угодила отцу, вручив ему, майору в отставке, альбом о холодной войне СССР и США, выпущенный для участников саммита на высшем уровне.

Такое не стыдно было предъявить любой компании, поскольку и содержание, и происхождение, а значит, и цены подарков – в музеях они, как известно, недешевые – говорили сами за себя. А кроме того, чувствовалась, что и ей они интересны, в том числе и как повод поговорить о живописи и поэзии, «оранжевой революции» и Горбачеве.

Первый же ее визит показал, что мы знакомы давно. Память о войнах, больших и малых, о дружбе и вражде, непоказное сочувствие чернобыльской беде, внимание к старикам, детям, птицам и деревьям – все было близко. С Линдой мы подружились. И не только мы.

Благодаря доктору Рокк, педагогу и финансовому сьюпервайзеру (что-то вроде зам. начальника районо), детский театр, играющий на двух языках – украинском и английском, побывал с гастролями в США, причем наиболее одаренные смогли затем поучиться в американских школах, а трое из них – поступили в университеты, стали стипендиатами и после окончания получили приглашение в солидные фирмы.

Оптимизм, ясное мышление, практичность, твердость

в принятии решений, умение слушать, патриотизм, любовь к литературе и истории, прекрасное владение автомобилем и фотоаппаратом, тяга к путешествиям и неутраченное любопытство...

Элегантная и уверенная в себе, она давно разошлась с мужем-пастором, сама воспитала троих детей и дала им превосходное образование; теперь у нее девятеро внуков, а также сестры, братья, кузины и их большие семьи по всей стране и друзья по всему миру.

Она боролась против войны во Вьетнаме, аплодировала Мартину Лютеру Кингу, примером служения родине считает Рузвельта и братьев Кеннеди, не уважает Бушей, поднимает американский флаг, когда приезжает на дачу, и клянет олигархов – врагов Обамы.

Проживает в Честере, под Нью-Йорком и в Новой Англии, штат Массачусетс, на Кэйп-Коде.

Короче говоря, стопроцентная американка. И главная достопримечательность США.

Дом

– У нас две проблемы, – Линда улыбнулась, – дураки и дороги.

И я не понял, шутит она или просто демонстрирует свою эрудицию, но если с дураками, особенно в правительстве, можно было согласиться, то дороги? Гладкие, прекрасно организованные, проложенные к каждому дому.

Как выяснилось, речь шла об американской мечте – собственном доме. И о пути к нему, о дорогах, которые мы выбираем.

«Одноэтажную Америку» я прочел еще в школе и, без особых проблем проживая в хрущевке, дивился, как можно свести жизнь – единственную и неповторимую – к покупке недвижимости. Разве так уж важно – где жить? А палатка в походе? А вагончик в стройотряде? А коммуналка, не потерявшая тогда своей прелести? Однажды в Крыму мы с другом поселились в мотоциклетном сарае и каждую ночь менялись, то он спал в длинной части, а я в короткой, для коляски, то – наоборот. Погода стояла ясная, и комаров не было, а звезды светили всюю!

Прошли годы, и теперь уже доцент, читающий основы предпринимательства, был восхищен определенностью т. н. американской мечты. «Собственный дом». Как же это пра-

вильно! Потому что – конкретно. Большая, ясная цель, определяющая будущее, жизненный путь. Не богатство – безмерное, абстрактное, а именно – дом, родовое гнездо. Образец для подражания, когда дети, вылетая из него, знают, что нужно строить свое, собственное, не только по необходимости, но и по традиции, семейной, фамильной, «так в нашей семье повелось».

В середине XIX века скромный дом стоил 500 долларов, и требовались десятки лет, чтобы накопить такие деньги.

Осознанная материальная цель, равновеликая трудовой жизни среднего американца, определила национальный характер, и прежде всего настойчивость и организованность. К этому следует добавить, что и *могидж* – ссуда под покупку дома лет, скажем, на 30 – заставляла заемщика следить за стабильностью получаемого дохода, иначе, если просрочить оплату, дом могут... Но лучше об этом не думать. То есть думать надо. Думать на этом пути вообще необходимо...

Дом в Честере, маленьком городке неподалеку от Нью-Йорка, оказался, как и положено, стопроцентноамериканским, и тогда, в первый наш приезд, показался большим, фешенебельным. На крыльце под белыми колоннами нас встретили миссис Дженнифер Рокк и мисс Эмма Рокк – мама и сестра. И повели по дому, показали спальни, гардеробные, ваннные комнаты и туалеты на каждом этаже, кухню, оборудованную в том числе и посудомоечной машиной, гостиную,

застекленную веранду и еще одну – открытую, на заднем крыльце.

Ясно, что такие дома строятся не только для детей и внуков, но и для пра- и прапра-. Я догадывался, что задача эта учтена и в выборе небольшого (соток 12—15), но достаточного участка, в комбинации цветника с элементами огорода, в выборе материала – где должен быть кирпич – кирпич, где дерево – нужные древесные породы, где шифер – отличная черепица. Дом для династии должен быть прочным, двухсполовинойэтажным, выкрашенным в белый цвет. Почему именно в белый? По традиции: чем мы хуже Президента? Ясно, ничем не хуже.

Белый – цвет чистоты, света. «Светлой мечтой всей прогрессивной семьи» и должен быть Дом. Воплощенной мечтой, реальной до-райской наградой за труды всей жизни, за что и дети, и внуки будут благодарить пра- и прапра-, а значит, и наследовать, и продолжать.

По этой причине и Линдин дом мог быть цвета любого, но остался в моей памяти белым, и в силу этого обращенным скорее к небу, чем к земле, выражающим саму «идею Дома». Думаю, по этой же причине Линдин дом выглядел тогда – в 1997-м – излишне комфортным. Сейчас же я могу назвать его хорошим, достойно скромным, в самый раз.

Страна пацанов

Штатам – одиннадцать. Считайте: если США – 200, а Китаю – 2000 – в пересчете на человеческий возраст – пацан и Конфуций. По этой мерке нетрудно просчитать, что Германия, Франция, Россия – предпенсионного возраста. Боятся, что подсидят. Тридцатилетняя Япония в самом расцвете творческих сил! Украине, если считать от первых гетманов, – 20—22, возраст выпускника. А Штатам – одиннадцать, как Тому и Геку, как тому пацану из «Последнего дюйма», или другому – из «Вина из одуванчиков», и персонажам Нормана Раквелла, и мне. «Я родился на острове Борнео в одиннадцать лет», – писал я когда-то, то есть вчера. Не потому ли Линда и повезла нас по одиннадцати штатам Восточного побережья? Штат за год?

– Я включила в план одиннадцать штатов, и еще – дистрикт Коламбия, как довесочек! – сообщила она в аэропорту, прищелкнув пальцами так, что мы просто обязаны были завизжать – *Wau!*

И мы завизжали.

История Дома

– Дом начал строить мой прапрадед, а завершил – дед. Три поколения.

Линда взяла с полки альбом:

– Это мой отец, вот – дед, прадед. А вот здесь в кресле – мои прапра – Лу и Джо. Первые американцы в нашей семье. Мы храним их письма. А это, – Линда перевернула страницу, и в прозрачном файле я увидел пожелтевший листок, – автобиография Джо. Родился в 1818-м в Манчестере, Англия. В 1826-м – да-да, в возрасте восьми лет, семья была многодетной – начал работать на шахте. Рабочий день – 12-14 часов. В 11 лет работу бросил, ушел. Устал. «Закон о бродягах» заставил снова пойти в шахту. В 15 лет встретил Лу, но о семье не могло быть и речи. Ему было 16, когда он прибыл в Штаты. За лучшей долей, как говорится. И снова, после многих мытарств – снова шахта. Но условия – и труд, и быт, и оплата – уже были иные. Через год вызывает Лу. Начинает учиться, вечерами, ночами – школа, горный колледж. В 23 – мастер, в 26 – начальник смены. В 32 – дипломированный горный инженер. Семья растет. Дети подрастают и разъезжаются по стране. Вместе со старшим – Джим идет по его стопам – начинает строиться.

Как все похоже! И с моим дедом было то же – и сиротство, и голод в двадцатые, и с бабушкой встретился, когда ей было

15, и в свою первую квартиру – а до того бараки, общага – в долгожданную, обставленную покупной мебелью, въехал 22 июня 1941 года...

Я слушал Линду и убеждался: семейная память у них минимум на два поколения больше. Я начинал понимать, что ни трипольцы, ни арии, ни протошумеры, ни скифы – не ими измеряется память народа, а средней семейной памятью, и вся эта память вращается вокруг конкретного участка земли и возведенного на нем строения.

Русское чудо в Филадельфии

– Праздник начинается в Филадельфии, у здания, где была объявлена независимость. Это особое место. Это – как у вас Кремль, то есть, извините, в России. Туда – уже сообщили – придут Тэд Тернер, Джейн Фонда ... – Линда называла фамилии, – и попробуем мы. Конечно, если удастся припарковаться. Это – проблема. В последние годы мне приходилось бросать машину далеко и идти пешком. Хорошо бы успеть, – сообщила, выезжая на автобан.

Автобан описывать уже бессмысленно. Не многим отличается и центр Филадельфии от Киева в часы пик. Впрочем, одно отличие есть. У нас машину поставить можно, пусть под угрозой штрафа и эвакуатора, а здесь не ставят, потому что нельзя, а кроме того – штрафы.

Подъезжая к центру, Линда озабоченно завертела головой, и так же озирались водители перед нами. На лицах у всех – увь, без шансов. У бровки вплотную стояли счастливики, прибывшие на шоу ранним утром, и предположить, что кто-то из них уедет, освободит желанное – нет, вожделенное! – местечко, было столь же невероятно, как и представить, что Джейн Фонда-Тернер снимает свое красное суперплатье, о котором столько писали и говорили

на СиЭнЭН, и протягивает его Линде со словами: «Возьмите, милая. И Теда в придачу, и место на сцене, и место для авто! Сегодня – ваш день!»

– Ах! – вздохнула Линда, уловив мои фантазии. – Они все чаще сворачивают налево. Надо уезжать из центра.

И тут я вдруг заявляю:

– За тем поворотом мы получим место, – говорю я, совсем не понимая, откуда это взялось, и почему – мы, ведь перед нами – очередь, но повторяю: – Вперед, да, сразу за поворотом.

Мы повернули, задержавшись на перекрестке, и как только джип перед нами проехал дальше, освободив место для выезда, – от бровки, мигнув левым глазком, резко вывернула дама в красном; поджав при этом переднего, засуетившегося, понимающего, что как-то надо бы сдать назад, замигавшего нам аварийкой, мол, это мне, мое...

– Это – мое, – произносит Линда, твердо и жестко, как акула капитала. – *Йес! Хиа ви а!* – голос ее звучит победно, и, оборачиваясь, Линда вдруг пристально смотрит на нас: «О, эта загадочная, таинственная русская душа!» – говорят ее глаза.

А мы молчим смиренно. И что сказать? Чудо.

Что было дальше? Речи, гимн, хор афроамериканцев, красное платье Д. Ф., волонтеры в одежде того времени... Интересно, конечно. Но с чудом-то не сравнить.

Хаус и Хом

«Настоящим родовым гнездом, – сообщал *Хаус*, – я ощутил себя на рубеже веков – XIX и XX. А знаете, почему? Неправильно. Достроили меня раньше, в восьмидесятые. Все просто. Джо и Лу дождались правнуков! А правнуки проводили стариков из дома, где родились. Круг замкнулся. Обычный дом стал Домом. В английском для этой метаморфозы предусмотрены два слова: *Хаус* и *Хом*. Емкие слова. *Хаус* – произнесите: „*Ит из май хаус!*“ – звучит „Как просторно!“, как будто хозяйка показывает его гостям (или покупателям), обращая внимание на обилие света и воздуха. А *Хом* – с продолженным „оу“ – норка, теплая берлога хомяка, место у семейного очага, первое слово-звук санскритской мантры „*Ом мани падме хум*“, мантры, приводящей в равновесие дух и плоть, пространство дома и Космоса. Вот почему Дом – есть точка соединения времени и пространства. Четыре поколения – закольцованный век – и четыре угла отдельной жилплощади – и есть Квадратура круга, разрешаемая самой жизнью. И опять – все сначала».

Перечитывая Ильфа и Петрова, я понял, почему так мало изменилась жизнь американской провинции. В аптеках, правда, уже не перекусывают, а в *Кристмас Три шопе*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.